

Мамиев Михаил Эрнестович

ЗНАЧЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОГО ДЕМАРША 931 Г. В ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИИ АЛАНИИ

В статье рассматривается один из важных эпизодов христианской истории Алании, связанный с депортацией византийского духовенства в 931 г. Обычно это событие приводится в качестве доказательства поверхностного восприятия христианства внутри аланского общества. Предпринятый анализ системы одновременных и разнохарактерных источников приводит к противоположному выводу - о быстрой и глубокой интеграции аланского общества и государства в восточно-христианскую цивилизацию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 139-142. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. **Щербакова Е. В.** Соцсети как способ популяризации музея [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.ogiik.forum24.ru/?1-5-0-00000003-000-0-0%202> (дата обращения: 10.09.2015).
14. **Best of the Web Criteria** [Электронный ресурс]. URL: <http://mw2015.museumsandtheweb.com/best-of-the-web-criteria/> (дата обращения: 10.09.2015).
15. **The Museum of Modern Art** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/MuseumofModernArt?fref=ts> (дата обращения: 10.09.2015).

VIRTUAL MUSEUMS IN SOCIAL NETWORKS

Maksimova Tat'yana Evgen'evna, Ph. D. in Culturology
Moscow State Institute of Culture
maksimova-t@list.ru

The subject of the research of the article is one of the resources of the Internet – virtual museums in social networks. The goal of the work is a thematic study of this type of virtual museums. The paper gives the analysis of the existing approaches to the subject matter of virtual museums in social networks in Russian and foreign researches. Their specificity is reflected, which is conditioned by the peculiarities of the placement and perception of the information localized in social networks. The experience of the creation of such a type of virtual museums is examined; the causes conditioning the necessity of their further research and development are analyzed.

Key words and phrases: virtual museum; social network; social interaction; interactivity; cultural policy.

УДК 94(3)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается один из важных эпизодов христианской истории Алании, связанный с депортацией византийского духовенства в 931 г. Обычно это событие приводится в качестве доказательства поверхностного восприятия христианства внутри аланского общества. Предпринятый анализ системы разновременных и разнохарактерных источников приводит к противоположному выводу – о быстрой и глубокой интеграции аланского общества и государства в восточно-христианскую цивилизацию.

Ключевые слова и фразы: Аланское государство; христианство; Хазарский каганат; политическое противостояние; Византия; проповедь; христианизация; Аланская епархия.

Мамиев Михаил Эрнестович, к.и.н.

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
mikhailmamiev@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОГО ДЕМАРША 931 Г. В ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИИ АЛАНИИ[©]

X век стал переломным периодом в истории Алании. В патриаршество Николая Мистика (901-907 и 912-925 гг.) православие становится государственной религией в стране, образуется Аланская епархия в составе Константинопольского патриархата. Данные выводы основываются на сведениях, содержащихся в переписке Николая Мистика, которые неоднократно специально рассматривались исследователями [4, с. 19-31; 6, с. 252-256; 9, с. 180-190; 13, с. 177; 15, с. 149; 16; 18, р. 547-549, 558-559, 572, 577-578] и, косвенно, в документах патриархии.

Крещение Алании вводит ее в круг стран и народов Византийского мира, а империя, в свою очередь, укрепляет давно складывавшиеся союзнические отношения с могущественным региональным государством, эффективно противостоявшим Хазарскому каганату. Именно это обстоятельство, довольно подробно раскрытое в известном сочинении императора Константина VII Багрянородного [11, с. 52-53], особенно интересовало византийцев.

Важная информация о конфессиональной ситуации в Алании непосредственно перед официальным принятием православия содержится в географическом труде арабского автора Ибн Рустэ «Книга драгоценных украшений», написанном между 903-913 гг. В переводе А. Алеманя интересующий нас пассаж звучит следующим образом: «Царь аланов – христианин в сердце, но все люди, населяющие его царство – язычники, поклоняющиеся идолам» [1, с. 343]. Фразой *царь – христианин в сердце*, арабский географ тонко охарактеризовал конфессиональные и цивилизационные предпочтения правящей элиты, что, в скором времени, привело к появлению нового христианского государства.

Однако спустя короткое время произошло важное событие, которое трактуется некоторыми исследователями как провал миссии, организованной Николаем Мистиком [9, с. 190]. Информация об этом содержится в сочинении арабского автора первой половины X в. Ал-Масуди. В переводе Н. А. Караулова данный

пассаж звучит следующим образом: «После провозглашения ислама в царствование династии Аббасидов (*династия арабских халифов в 750-1258 гг. – прим автора – М. М.*) цари аланов приняли христианство, а до этого они были язычниками, но после 320 года они отвратились от христианства и изгнали бывших прежде епископов и священников, присланных к ним царем римским» [10, с. 53].

Вариант перевода А. Алеманя: «После распространения ислама при Аббасидах, цари аланов, которые до этого были язычниками, приняли христианскую веру, но после 320 г. х. / 931 они отвратились от нее и изгнали епископов и священников, присланных к ним византийским императором» [1, с. 347].

Эти же сведения находим и у Абу эль-Кассима, современника Ал-Масуди: «Один из его (*царя алан – прим. автора – М. М.*) предшественников принял христианство в первое столетие династии Аббасидов. До этого времени аланы были язычниками; но через несколько лет они отреклись от христианской веры и прогнали епископов и священников, которые им были присланы византийским императором» [7, с. 214].

Описанные события не могут рассматриваться вне исторического контекста. Упомянутая в обоих источниках депортация византийских церковнослужителей носила выраженный политический характер. Она явилась следствием неудачного нападения Алании на Хазарский каганат, спровоцированного империей, дипломатия которой использовала, в том числе, и успехи миссионерской деятельности времен Николая Мистика [3, с. 489-490]. Информация об этом содержится в известном Кембриджском документе, опубликованном Шехтером [1, с. 434-435; 8, с. 136-137, 140-141].

Каганат вполне реалистично оценил степень и потенциал интеграции аланского государства и общества в восточно-христианскую византийскую цивилизацию, попытавшись таким образом ослабить влияние Византийской империи, своего давнего соперника в регионе. Последовавшая после военного поражения высылка духовных лиц не имела значительного влияния на дальнейшее развитие религиозной ситуации в стране. На это, в частности, указывает продолжившееся в X века активное (в том числе и монументальное) храмовое строительство и скорое возведение Аланской епархии из архиепископии в ранг митрополии [12, с. 318; 13, с. 178; 15, с. 149]. Одним из доказательств последующего сохранения выбранного курса на христианизацию страны и ее оформившуюся последовательную ориентацию на Византию является недавно открытая строительная надпись Сентинского храма: «Освящен, обновлён храм Пресвятой Богородицы в царствование Никифора, императора и августа (?) АС... и Давида, эксусиократора Алании, и Марии эксусиократориссы 2 апреля, в день святой Антипасхи (?), рукою Феодора, митрополита освященного Алании, от сотворения мира в 6473 г. Написано рукой такого-то, апокрисиария патрикия» [4, с. 242-243].

Авторы открытия и публикации надписи комментируют ее характер следующим образом: «...надпись не только сообщает о строительстве храма, но и имеет характер официального документа, свидетельствующего о законном освящении церкви (подобно современной записи на антиминоссе)» [Там же, с. 241]. Можно добавить, что фактическое признание царственной принадлежности правителей Алании и очень высокий статус лица, сделавшего надпись (возможно, официального посланника императора) [Там же, с. 243-245], придает ей смысл ясной политической демонстрации.

Все это согласуется с официальным византийским эпиграфом императорских посланий, обращенных к аланским государям, который приводится в книге Константина Багрянородного «Церемонии византийского двора», составленной после 932 г. «Эксусиократору Алании [следует посылать] золотую печать в два солида [с эпиграфом]: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа, одного и единственного Бога нашего, Константин и Роман, верные в Боге императоры ромеев к имярек, эксусиасту Алании и духовному нашему сыну”» [1, с. 243]. Такое обращение свидетельствует не только о православном вероисповедании аланского монарха, непосредственно адресата послания, но и о дипломатическом протоколе, принятом между *христианскими государствами*.

В анонимном персидском географическом сочинении «Хадуд ал-алам» («Области мира»), составленном в 982-983 гг., т.е. спустя полвека после депортации византийского клира из Алании, сообщается, в частности, следующее: «Эта страна (*Алания – прим. автора – М. М.*) среди пропастей и гор, и это приятное место. Царь их христианин. У них тысяча больших селений. Среди них есть христиане и идолопоклонники. Часть народа живет в горах, а часть на равнине» [Там же, с. 467].

Письменных источников этого периода, прямо повествующих о христианской истории Алании, почти нет. Ценным исключением является фиксация Аланской епархии в списочной иерархии *Notitiae episcopatum*. Начиная по крайней мере с *Notitiae 13*, Аланская епархия, уже в ранге митрополии, стабильно занимает здесь сравнительно высокое место [19, р. 367, 381, 388, 398]. Отрывочные сведения, содержащиеся в грузинских хрониках, носят характер дополнительной информации. Нехватка письменных данных отчасти компенсируется материалами сфрагистики – дошедшими до нас печатями аланских царей XI-XII вв. Гавриила, Росмика и Иоанна Хотестиана, опубликованными Г. Шлюмберже (одна печать) [20, р. 429-431] и В. Зейбтом [21, S. 311-312; 22]. Печати несут подчеркнутую демонстрацию восточнохристианской принадлежности их владельцев. Монаршее достоинство двоих передается через титул *эксусиократор*, который применялся в византийском дипломатическом церемониале исключительно к аланским государям [1, с. 242-243; 4, с. 40-41]. Среди примерно семидесяти византийских титулов для чужеземных («варварских») правителей, перечисляемых в «Книге церемоний византийского двора», этот занимает первое место [14, с. 197]. Впервые фиксируемый в работах Константина Багрянородного титул *эксусиократор* [1, с. 243; 11, с. 51] прослеживается на протяжении примерно двух веков (6-8 поколений). Последний раз он встречается на печати Иоанна Хотестиана, которую В. Зейбт датирует серединой XII в. [22, с. 53 ил. 5, 55-56]. Причем нет оснований ограничивать время существования этого титула аланских монархов указанными временными рамками.

В письме № 51 Николая Мистика (см. выше), адресованном абхазскому царю, в византийской дипломатической номенклатуре «прославленному эксусиасту Абазгии» аланский царь именуется *архонтом*, званием достаточно высоким в византийской титулатуре иноземных правителей, но стоявшим на несколько позиций ниже эксусиаста [14, с. 197]. Со времени написания письма около 914-916 гг. [18, р. XXIX, 548-549] к 40-м гг. X в. ситуация меняется, и Константин Багрянородный приводит уже *устоявшийся* титул действующего протокола. Следовательно, выделение Алании в византийской дипломатии происходит примерно в течение 20-25 лет после написания указанного письма, что, несомненно, должно быть связано не только с ростом военно-политического могущества аланского государства, но и с его определившейся, последовательной конфессиональной ориентацией. В противном случае были бы невозможными как столь стабильно высокое положение титулатуры аланских царей в динамично изменявшейся «табели о рангах» империи, так и практиковавшиеся в XI веке аланско-византийские междинастические связи. Сказанное подтверждается тем, что аланский царь Росмик, упоминавшийся в «Алексиаде» Анны Комниной в связи с его участием в отражении норманнской агрессии в Эпире как эксусиократор [1, с. 282; 2, с. 353, 600, прим. 1333], на дошедшей до нас печати именуется уже севастом [21, S. 53 ил. 4, 55] – высшим на то время после севастократора титулом, которыми при Алексее I жаловались родственники императора. Что касается верхней временной границы существования титула эксусиократора, то его последняя фиксация в середине XII в. позволяет предположить и сохранение до начала XIII в. – времени захвата Византии крестоносцами и прекращения династии Комнинов, с которыми аланский царский дом имел особенно тесные связи.

Таким образом, рассматриваемые печати являются не только наглядным показателем и без того не вызывающей сомнений христианской приверженности аланских царей, но и демонстрацией конфессиональной принадлежности самого аланского государства. Вспомним, что в это время происходит и расцвет церковной художественной культуры в Алании [4, с. 57].

В заключение отметим, что Принятие восточного христианства в качестве государственной религии раннесредневековой Аланией в начале X века не ограничилось крещением высшей аристократии. Православие стало быстро распространяться внутри аланского общества, о чем в первую очередь свидетельствуют письменные источники и смена погребального обряда с инвентарного дохристианского на безынвентарный христианский [17, с. 103-104]. Очень важным косвенным подтверждением служит и депортация византийского духовенства, проведенная по требованию Хазарского каганата после поражения Алании в войне 931-932 гг. [1, с. 347]. Это – очевидное признание великой державой и крупнейшим политическим игроком в регионе значительных успехов христианизации аланского общества и его интеграции в византийское цивилизационное пространство. Отраженное в notiциях повышение статуса аланской епархии от архиепископии до митрополии, монументальное храмовое строительство, печати аланских монархов, письменные источники, данные археологии и т.д. – вся эта система сведений свидетельствует о существовании средневекового христианского аланского государства. Успешная христианизация Алании объясняется быстрым формированием собственной культурно-православной традиции.

Список литературы

1. **Алемань А.** Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
2. **Анна Комнина.** Алексиада / вступ. статья, пер., коммент. Я. Н. Любарского; отв. ред. А. П. Каждан. М.: Наука, 1965. 690 с.
3. **Артамонов М. И.** История хазар. СПб.: Лань, 2001. 688 с.
4. **Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.** Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.
5. **Бзаров Р. С.** Из истории аланской культуры. М.: СЕМ, 2014. 400 с.
6. **Волков Н.** Николай Мистик. Патриарх Константинопольский (896-925 г.) // Прибавления к творениям св. Отцов. 1861. Ч. 20. Кн. 2. С. 163-265.
7. **Гаглойти Ю. С.** Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланях // Дарьял. 2000. № 3. С. 190-226.
8. **Голб Н., Прицак О.** Хазарско-еврейские документы X века. М.: Мосты культуры, 2003. 240 с.
9. **Иванов С. А.** Византийское миссионерство: можно ли сделать из варвара христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
10. **Караулов Н. А.** Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 1-130.
11. **Константин Багрянородный.** Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
12. **Кузнецов В. А.** Очерки истории алан. Владикавказ: ИП, 1992. 392 с.
13. **Кулаковский Ю. А.** Избранные труды по истории аланов и Сарматии: научное издание / сост., вступ. ст. и коммент. С. М. Перевалов. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с.
14. **Люттвак Э. Н.** Стратегия Византийской империи. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 664 с.
15. **Малахов С. Н.** К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII-XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия / отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1992. С. 149-179.
16. **Малахов С. Н.** Христианизация Алании в 912-922 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия: сборник научных статей. Волгоград, 2000. Вып. III. С. 28-36.
17. **Мамиев М. Э.** Христианский погребальный обряд средневековой Алании // Вопросы отечественной истории и археологии: сборник статей к 80-летию профессора В. Д. Кучиева / отв. ред. Р. С. Бзаров. Владикавказ, 2013. С. 84-121.
18. **Nicholas I, Patriarch of Constantinople: Letters /** Greek text and English translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington, DC, 1973. XXXVII+632 p.

19. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* / ed. par J. Darrouzes. Paris, 1981. 524 p.
20. *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantine. Paris, 1884. 750 p.
21. *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Osterreich. Wien, 1978. 1. Teil. Kaiserhof. 350 S.
22. *Seibt W.* Metropolitен und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln Des 10.-12. Jahrhunderts // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2003. С. 50-59.

SIGNIFICANCE OF ANTI-CHURCH DEMARCHE OF 931 IN CHRISTIAN HISTORY OF ALANIA

Mamiev Mikhail Ernestovich, Ph. D. in History
Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
mikhailmamiev@yandex.ru

The article deals with one of the important episodes of the Christian history of Alania connected with the deportation of the Byzantine clergy in 931. This event is usually given as the evidence of the superficial perception of Christianity within the Alanian society. The undertaken analysis of the system of non-simultaneous and diverse sources leads to the opposite conclusion – about the quick and deep integration of the Alanian society and state into the Eastern Christian civilization.

Key words and phrases: Alania state; Christianity; Khazar Khaganate; political opposition; Byzantium; sermon; Christianization; Alanian eparchy.

УДК 34:343.234.5

Юридические науки

Статья посвящена исследованию института деятельного раскаяния в советском уголовном законодательстве. Выделены и проанализированы особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, при проявлении ими деятельного раскаяния и выполнении установленных позитивных постпреступных действий. Автор дает характеристику нормативным правовым актам, по которым осуществлялось освобождение от уголовной ответственности, и видам преступлений, по которым уголовно-правовые меры воздействия на виновного заменялись на освобождение от наказания. Акцентируется внимание на том, что за проявление деятельного раскаяния виновному не только смягчалось установленное наказание, но и следовало за это освобождение от уголовной ответственности.

Ключевые слова и фразы: деятельное раскаяние; уголовная ответственность; наказание; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания.

Молотилкин Сергей Витальевич

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
okmsvzo@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ФОРМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ[©]

По советскому уголовному законодательству за проявление деятельного раскаяния предусматривалось освобождение от уголовной ответственности или следовало значительное смягчение установленного наказания. Отказ от применения карательных мер обусловлен желанием законодателя повысить эффективность в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений, а также снизить уровень латентной преступности. В этот исторический период освобождение от уголовной ответственности осуществлялось только по специальным основаниям [2, с. 42]. Советское уголовное законодательство и отдельные нормативные акты освобождали от установленной ответственности лиц, виновных в совершении государственной измены, дезертирства, взяточничества, незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также наркотиков.

После октябрьской революции 1917 г. в стране победившего пролетариата установилась анархия, которая не позволяла в кратчайшие сроки создать новый кодифицированный уголовный закон, в результате чего наравне с нормативными актами советской власти использовалось дореволюционное законодательство. В частности, при осуждении лиц, виновных в совершении уголовных преступлений, применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправлениях 1845 г. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» устанавливал, что дореволюционное законодательство могло применяться только в том случае, когда оно не противоречило социалистическому правосознанию [12]. В качестве источников уголовного права в первые годы становления советской власти помимо уголовного закона выступали: обращения, декреты, постановления, декларации, а также судебная практика. При этом решение вопросов, не урегулированных нормами права, основывалось на революционном правосознании.

Одним из первых видов преступлений, с которым советская власть провозгласила борьбу, являлось взяточничество. Причем привилегии в виде освобождения от установленной ответственности получали не только взяточдатели, но и посредники во взяточничестве. Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»